

*Кедысь Людмила Николаевна, педагог дополнительного образования
Центра детского творчества г. Приозерска, преподаватель Воскресной школы
собора Рождества Пресвятой Богородицы г. Приозерска,
член Союза писателей Санкт-Петербурга и Ленинградской обл.*

Русская литература, как совесть народа.

Сколько бы ни проходило лет, десятилетий, столетий, поколения сменяют одно другое, но удивительные слова знаменитого Пушкинского стихотворения «Пророк» можно сказать стали своего рода эпитафией к судьбе, предназначению человека на земле: «Духовной жаждою томим...»

Цивилизации сменяют одна другую, меняется форма жизни, изменяется лицо земли, но неутолимой, неистребимой из века в век остается жажда духовная. Это с одной стороны драгоценный, но с другой стороны – мучительный дар Божий, данный на земле лишь человеку, как главный признак и как сущность самой его человечности.

Драгоценен этот дар тем, что увлекает человека постоянно ввысь, не позволяет успокоиться в одном лишь животном счастье, тем самым приобщая к высшим, духовным, ни с чем не сравнимым радостям. Но, в то же время, мучителен дар потому, что зачастую противоречит земным человеческим инстинктам, превращая всю жизнь в борьбу, искания, тревоги.

Как по запаху дыма мы можем понять, что где-то горит огонь, еще даже не видя огня, так же тот факт, что в нашем мире, на протяжении всей его истории, существовали философия, религия – несомненно является свидетельством того, что в человеке живет неиссякаемая духовная жажда, духовное искание.

О смысле этой духовной жажды, о том, жадной чего она является, исканием чего наполнена, - об этом нужно обязательно говорить с детьми, подростками, молодежью, потому что в нашем мире нет более важной и значимой темы. Мир наш стоит как раз на том перепутье, о котором сказал поэт:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачилсЯ,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.

Нам нужно постараться самим и привить это детям - не изменить духовной жадности, данной нам, не погасить ее, не затоптать, открыть очи и слух к потоку неизреченного света, любви и красоты, что извечно изливается на нас от Бога.

Федор Михайлович Достоевский писал: «Мерило народа не то, каков он есть, а то, что считает прекрасным и истинным, по чем воздыхает». Именно это «прекрасное и истинное», высшие идеалы, духовные ценности Православия на Руси всегда стояли на первом месте. Святой благоверный князь Владимир, избрав Православную веру для своего народа, задал нам высшую

планку, духовно-нравственные ориентиры, стремление к которым не дает нам покоя, бередит совесть, волнует душу. Но как раскрыть глубокий смысл Евангельских заповедей, Божественных истин, заложенных в Священном Писании, Церковном Предании, богослужебном круге современным детям? Здесь и придет нам на помощь русская классическая литература, уникальность которой в том, что в ней особо остро заложено православное миропонимание, духовный характер отображения реальности. Религиозность же русской литературы заключается не в какой-либо связи с церковной жизнью, и не в пристальном внимании к библейским и святоотеческим сюжетам, но в особом способе воззрения на мир.

Критик и переводчик Э. Гюней, сравнивая западную и русскую литературу пришел к такому выводу: «Идеалом героев, созданных Диккенсом, является хороший дом, счастливая семейная жизнь. Герои Бальзака стремятся приобрести великолепные замки, накопить миллионы. Однако ни герои Тургенева, ни герои Достоевского, ни герои Толстого или Чехова не ищут ничего подобного. Русские писатели требуют очень многого от людей. Они не согласны с тем, чтобы люди ставили на первый план свои интересы и свой эгоизм».

Иван Франко (украинский писатель) также рассуждал на эту тему: «Если произведения литератур европейских нам нравились, волновали наш эстетический вкус и нашу фантазию, то произведения русских мучили нас, задевали нашу совесть, пробуждали в нас человека».

У Александра Солженицына выражена эта мысль более определенно: «Чем отличаются русские литературные герои от западноевропейских? Самые любимые герои западных писателей всегда добиваются карьеры, славы, денег. А русского героя не корми, не пои – он ищет справедливости и добра».

Нашими писателями совесть утверждалась, как основная мера всех вещей. Причем совесть, воспринимаемая, как голос Божий в человеке. Не частные, душевно-телесные вопросы, но всеобщие, важнейшие, высшие – волновали душу и сознание творцов русской литературы. И в этом она едина на протяжении всей своей истории – начиная от великого «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона.

Иван Шмелев дал глубокое определение всей русской культуре и литературе. Он писал: «Русская культура запечатлена печатью тысячелетий: крещением в Православии. Этим и утвердилась духовная сущность русского народа, его истории и просвещения. Наша литература тоже «запечатленная»: она исключительно глубока, строга, как, быть может, ни одна из литератур в мире, и целомудренна. Она как бы спаивает-вяжет Землю с Небом. В ней почти всегда – «вопросы», стремления раскрыть тайну, попытки найти разгадку мировых загадок, поставленных человечеству: о Боге, о Бытии, о смысле жизни, о правде и кривде, о зле-грехе... Русская литература – не любование «красотой», не развлечение, не услужение забаве, а именно служение, как бы религиозное служение».

Именно Православная Церковь оказала огромное влияние на пристальное внимание к духовной сущности, заложенной в человеке, на внутреннее самоуглубление, которое так ярко отражено в нашей литературе. Смысл своего существования, задачу свою русская литература видела в том, чтобы возжигать, поддерживать духовный огонь в человеческих сердцах. Отсюда так остро, подчас болезненно главные герои русских классиков признают совесть мерилом всех жизненных ценностей.

Герои Пушкина, Тургенева, Достоевского, Лескова, Толстого, Чехова попадали в разные жизненные ситуации, жили в разных условиях, в разных временных рамках, но все они были терзаемы главными вопросами бытия, все испытали жгучие муки совести и, томимые духовной жаждой, пройдя зачастую через горнило страданий, потрясений, падений, открывали для себя высшие смыслы человеческой жизни, красоту и благородство человеческой души, ее глубину и необъятность. Только русские писатели осознавали свое творчество как пророческое служение, чего остальная, католическо-протестантская Европа не знала.

Русский философ Николай Бердяев очень чутко воспринял и точно выразил эту идею: «В русской литературе, у великих русских писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира. Вся наша литература 19 века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, народа, человечества, мира. В самых значительных своих творениях она проникнута религиозной мыслью. Соединение муки о Боге с мукой о человеке делает русскую литературу христианской, даже тогда, когда в сознании своем русские писатели отступали от христианской веры».

Чтобы осмыслить и понять корни духовности русской литературы, нужно перечитать Евангельскую Нагорную проповедь, в которой Господь Иисус Христос заповедует нам: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф. 6,19-20).

Эта удивительная заповедь открывает сокровенную суть двух противоположных пониманий смысла жизни человеческой. Это два полюса, два мировоззрения, два различных типа мышления, два типа культуры. Этими словами Христос указывает на смысл непреодолимых разделений, которые Он принес в мир. Каждый человек стоит как бы на перепутье двух систем жизненных ценностей, которые связаны с той или иной ориентацией в земном мире. Ведь положив руку на сердце каждый человек понимает под добром то, что так или иначе помогает, приближает его к достижению той или иной цели бытия, которую он перед собой поставил. А злом мы называем то, что мешает, препятствует такому достижению. И если поставлены цели исключительно матери-

альные («собираение сокровищ на земле»), то все духовное будет восприниматься как помеха, а, следовательно, как зло. И наоборот.

Что предпочтет человек – то или иное – это дело его совести и свободы выбора, данной ему Богом. Но мы должны четко осознать, что прославляемая сегодня западная цивилизация, которой так жаждут подражать у нас в России, – это не что иное, как жажда, но не духовная, а устремленная к абсолютной полноте наслаждений земными сокровищами. И так называемый прогресс призван любыми способами отыскивать наиболее совершенные средства для овладения такими сокровищами.

Но где критерий, по которому можно точно определить, какие именно сокровища собирает человек? Христос такой критерий обозначил ясно и просто: «Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф.6,21). Ведь мы вполне ощущаем, к чему прикипает наше сердце, если постараемся вслушаться в голос своей совести – этот голос Божий в нас. Поэтому-то зачастую мы глушим его, чтобы отогнать от себя неприятные мысли, неприглядную истину.

Главная тема русской литературы заключена в вечном противоборстве между двумя раздирающими сердце и душу стремлениями – приобретения сокровищ небесных и сокровищ земных. Это не просто проблема литературы, но главный выбор жизни человека, проблема духовных поисков, часто метаний, самих писателей, жизненный путь которых не был прямым, устремленным всегда лишь к Горним высотам, но был отмечен падениями, многими ошибками, отступлениями от Истины, но он был пронизан духовной жаждой и поиском высших смыслов.

Человек обречен постоянно делать выбор между добром и злом, но трагизм человеческого существования заключается в его оторванности от Бога, из-за чего он вынужден метаться между разными, искаженными пониманиями добра и зла. Эту бесконечную смятенность души раскрыла, высветила русская литература, сделав ее, можно сказать, главным предметом своего сострадательного исследования. Она приобщила читателей к внутренним переживаниям, терзаниям совести, погружая нас в такие бездны души, в такие глубины, о которых очень отдаленное представление имеет около-европейская литература.

Только русская литература могла открыть миру героя, внешне абсолютно благополучного, в преизбытке обладающего всеми земными благами, но при этом страдающего, не находящего себе места от тоски:

Я молод, жизнь во мне крепка;

Чего мне ждать? Тоска, тоска!.. – восклицает герой А.С. Пушкина Евгений Онегин.

Отношение к такому страданию читателей будет зависеть от осмысления жизни каждым из нас. Для кого-то это проявления безумия и глупости. Но русский человек оказался обреченным на подобные терзания (хотя не каж-

дый без исключения, разумеется), и в литературе это точно отражено. Происходит это от того, что Православие повернуло вектор душевных устремлений нашего народа в направление противоположное от земных благ.

Для многих людей именно русская литература стала поводом, который привел их к свету Воскресения Христова. В мемуарах известного церковного деятеля 20 века митрополита Евлогия (Георгиевского) описано очень важное свидетельство владыки, которое помогает понять достоинства русской литературы для современного человека. Владыка Евлогий, рассказывая о своей ранней молодости, первых годах семинарской жизни, признается, что вел не совсем достойный образ жизни, но избежать духовного, нравственного падения ему помогло именно чтение русской литературы. «Воспитательное значение литературы для молодежи огромно, - подчеркивает исходя из своего горького опыта мемуарист, - Трудно даже учесть меру ее благотворного влияния. Она повышала самопознание, спасала от грубости, распушенности, безобразия поступков, питала склонность юношеской души к идеализму. Я стал выправляться, хорошо учиться. У меня появились умственные запросы, более серьезные интересы. Мое увлечение литературой подготовило почву для дальнейшего душевного развития».

К такому опыту владыки Евлогия, думаю, могут присоединиться многие и многие наши современники, пришедшие к Богу именно через чтение, любовь к русской литературе. Об этом говорит и мой собственный опыт. Не зная и не читая еще Евангелия, имея отдаленные представления о Православной Церкви, смысле ее догматов, богослужений, обрядов, именно чтение, осмысление, глубокое проникновение в литературные произведения русских классиков, помогло мне в юности открыть для себя красоту, богатство, глубину, силу и величие Православия, Евангельских истин и того предназначения, к которому призван каждый человек. Кстати, подчеркну, - поводом на этом пути был для меня учитель русского языка и литературы.

В нашей литературе запечатлен в слове и образе религиозный опыт русского человека. Этот опыт мог быть светлым, мог быть и темным, спасительным, и опасным для души - это опыт веры и опыт безверия. И тот, и другой необходимы для самосознания и самопознания. Истина нам дана в Божественном Откровении. Но раскрыть Ее для себя без познания в себе образа Божьего невозможно. Именно такое самосознание и самопознание приведет человека к Спасителю, позволит испытать ему полноту бытия с Богом.

Велика же ответственность, которая лежит на плечах учителя - суметь раскрыть эти глубинные смыслы русской литературы детям. Ведь равнодушное и бездумное прочтение приведет к отторжению или даже отвращению от чтения серьезной литературы. При поверхностном, эмоциональном, а не духовном осмыслении, например, отрицательного опыта, темных сторон жизни, которые описывают в своих произведениях некоторые русские писатели, - возможно попадание под власть духа уныния. Такое чтение, например, Досто-

евского, может погрузить человека в мрачные бездны. Но в этом виноват не писатель, а бездарный читатель, или тот, кто открывает ему дверь в удивительный мир русской литературы. Нужно учиться читать литературу. И тогда Достоевский поможет вывести душу к светлым, духовным высотам, расчистить дорогу к постижению Истины.

Закончить хотелось бы словами Дмитрия Лихачева: «Русская литература всегда была совестью народа. Ее место в общественной жизни страны всегда было почетным и влиятельным. Она воспитывала людей и стремилась к справедливому переустройству жизни».